

Дискусії

В. К. ЦЕРЛЮКЕВИЧ

О ВЗАИМООТНОШЕНИИ СИНТАКСИЧЕСКОГО, МОРФОЛОГИЧЕСКОГО И СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРИНЦИПОВ КЛАССИФИКАЦИИ СЛОВ В ЧАСТЕРЕЧНОЙ ТЕОРИИ

Утверждается, что синтаксический, морфологический и семантический принципы классификации находятся друг с другом в отношении иерархического соответствия; основополагающим объявляется синтаксический принцип.

The article proves, that syntactical, morphological and semantic principles of classification are in the relations of hierarchical conformity. And it claims that syntactical principle is the basic one.

Теория частей речи, появившись более двух тысяч лет назад, до настоящего времени постоянно совершенствуясь, все-таки остается уязвимой для критики (см. Лукин 1999, 131).

По общему признанию ученых одновременно существует несколько различных принципов классификации частей речи. Действительно, есть возможность характеризовать отдельные лексико-грамматические классы слов сразу по нескольким параметрам: 1) единству обобщенного значения (предметности у существительного, процессу у глагола и т. д.); 2) общности грамматических категорий; 3) тождественности синтаксических функций (см. Современный русский язык 2002, 17). Все это традиционно называется семантическим, морфологическим и синтаксическим принципами классификации. Словообразовательный признак тех или иных лексико-грамматических групп слов может рассматриваться в рамках морфологического принципа классификации, но вполне корректно его рассматривать и в качестве самостоятельного (см. Золотова и др. 1998, 39).

Мы привыкли к мысли, что "принадлежность слова к тому или иному категориальному классу определяется по совокупности признаков" (Панков 2003, 61) и что, таким образом, современная система частей речи в русском языке построена на некоем компромиссе между тремя вышеназванными принципами (см. Милославский 1981, 41).

Профессор П.П. Шуба отмечал, что "в языковом сознании говорящих действительно существуют определенные группы слов, но объединение их в такие группы происходит не по одному какому-либо признаку, а по целому ряду признаков, причем в одном случае на первый план выступает один, а в другом случае - другой признак" (Современный русский язык 1998, 159).

Если это так, то со всей ответственностью можно утверждать, что одной из задач лингвиста и является постижение того, что представляет из себя в действительности "языковое сознание говорящего". В известном смысле лингвист-ученый должен попытаться отобразить в своей описательной грамматике "интуитивную грамматику" носителя языка. Можно выразиться иначе: лингвист должен обнаружить систему и структуру языка в субстанции, которая называется текстом (речью) и которая порождается усилиями человеческого разума, т. е. конкретным индивидом. Если "субъективный фактор в последние десятилетия выходит в лингвистике на первый план: формируется новая антропоцентрическая парадигма исследования языка" (Сиротинина... 2000, 103), то это, естественно, только достижение лингвистики. В самом языке, а значит и в языковом сознании его носителей, "субъективный фактор" был и остается на первом плане.

По "странному" стечению обстоятельств (впрочем, ничего странного, с нашей точки зрения, в этом нет) неоднократные попытки языковедов реализовать в качестве приоритетного морфологический принцип классификации так или иначе не нашли поддержки в традиционных обучающих описательных грамматиках. Хотя, казалось бы, все свидетельствует в пользу такого подхода. Ведь

лингвистическая иллюзия того, что части речи есть прежде всего морфологические классы слов (к тому же все это рассматривается как раз в морфологии), достаточно сильна.

Под попытками морфологического подхода к описанию частей речи в русском языке мы имеем в виду, в частности, известные предложения не выделять в отдельные самостоятельные части речи местоимения и числительные или классифицировать, например, местоимения-существительные и числительные как неосновные части речи по отношению к существительному, прилагательному, глаголу и наречию как основным (см. Русская грамматика 1982, 458).

Приоритетность морфологического подхода при классификации тех же числительных налицо и в "Краткой русской грамматике": "В особую часть речи - имя числительное - выделяются только те количественные слова, которые обладают своими собственными морфологическими и синтаксическими признаками (типа два..., двое), не позволяющими их объединить ни с существительными, ни с прилагательными" (Краткая русская грамматика 1989, 246).

Логика подобных рассуждений достаточно очевидна. Такая логика языкового сознания некоторых лингвистов, вероятно, считающих, что если установление частеречной принадлежности слов - проблема морфологии, то морфологический принцип и будет определяющим.

Для решения обозначенных проблем, на наш взгляд, следует воспользоваться и понятием "частеречный объект" (см. Лукин 2000, 65). Можно с достаточной долей ответственности утверждать, что данный признак (наличие отдельного, самостоятельного частеречного объекта) будет во многих случаях решающим фактором для языкового сознания говорящего. И когда, например, М.Ф. Лукин утверждает, что те же "порядковые числительные не прилагательные, а нумераты математической порядковой счетной системы" (Лукин 2000, 71), т. е. должны восприниматься как один и тот же частеречный объект вместе с остальными числительными, с этим трудно не согласиться.

Интересно, что Н.Ю. Шведова, редактор и член авторских коллективов "Русской грамматики" и "Краткой русской грамматики", где те же порядковые числительные и местоимения на морфологических основаниях не признаются за самостоятельные части речи, после работы над "Русским семантическим словарем" пришла к выводу, что вершиной членения слов на части речи может быть членение функциональное, которое "представляет все слова как распределенные по четырем множествам: слова указующие, именующие и квалифицирующие" (Шведова 1999, 3). Слова указующие - это, конечно же, местоимения, обозначающие "отдельную систему слов означающих" и в этом качестве противопоставленных всем другим словам - именующим, связующим и квалифицирующим.

Таким образом, Н.Ю. Шведова пришла к признанию местоимения в качестве самостоятельной части речи не через грамматику (морфологию или синтаксис), а через лексику (семантику).

Морфологический принцип классификации, похоже, "проигрывает борьбу" и за причастие с деепричастием. Если рассматривать причастие и деепричастие прежде всего как морфологические классы слов, то, безусловно, следует признать их за самостоятельные части речи. Что и делается, например, в "Современном русском языке" Н.М. Шанского, А.Н. Тихонова. Автор раздела "Морфология" А.Н. Тихонов считает, что, "учитывая двойственную природу причастий, одинаково яркие и сильные признаки в них и глагола, и имени прилагательного, целесообразно выделять их в самостоятельную часть речи" (Шанский, Тихонов 1981, 214). Им же, правда с меньшей долей категоричности, самостоятельную часть речи признаются и деепричастия (см. Шанский, Тихонов 1981, 224).

Однако абсолютное большинство описательных грамматик современного русского языка почему-то отказываются от очевидного, от того, что причастие и деепричастие как морфологические классы слов гораздо ближе к прилагательным и наречиям, чем к глаголам. Вероятно, есть вещи менее очевидные, но более весомые.

Исходя из этих рассуждений, можно предположить, что для признания причастия и деепричастия формами глагола нужны другие, не морфологические и

не синтаксические аргументы. Аргументы эти могут или должны быть семантическими; другими словами, можно утверждать, что спрягаемый глагол, причастие и деепричастие объединяет общесемантическое значение действия, процесса.

Подтверждение данного положения можно обнаружить уже в самих определениях причастия и деепричастия как частей речи. В том же "Современном русском языке" Н.М. Шанского и А.Н. Тихонова "причастия обозначают процесс как признак предмета" (Шанский... 1981, 212), а "деепричастия обозначают действие, соотносительное по времени осуществления с действием глагола-сказуемого" (Шанский, Тихонов 1981, 222). Поэтому, на наш взгляд, основная причина общности глагола, причастия и деепричастия в их общей семантике, что, очевидно, предопределяется общностью их "частеречного объекта".

Таким образом, можно утверждать, что семантический принцип классификации (по единству обобщенного значения) является в ряде случаев приоритетным при решении тех или иных проблем классификации частей речи в том же русском языке. Принцип этот в ряду других можно назвать вершиной лингвистической абстракции, потому что он реализуется без явной опоры на формальные признаки лексико-грамматических разрядов слов.

Каково же взаимоотношение морфологического и синтаксического принципов классификации? На наш взгляд, именно здесь существует пропасть между реальным существованием единиц языка и традиционным лингвистическим представлением о их сущности. Традиционно принято считать, что части речи - "это классы языковых единиц, а вовсе не единиц речи" (Маслов 1998, 155), с этой точки зрения морфологический принцип классификации частей речи оказывается важнее синтаксического. Как следствие, например, у того же Ю.С. Маслова "порядковые числительные (пятый и т. п.) являются разновидностью прилагательных" (Маслов 1998, 166). Еще у Ж. Вандриеса встречаем мысль об исключении междометия из частей речи на том основании, что "оно не имеет ничего общего с морфологией" (Вандриес 1937, 114).

Однако эта теория у этого же автора оказывается опровергнута практикой, как только начинается анализ конкретных языковых явлений. Уже через несколько страниц в этом же труде Ж. Вандриеса находим: "Различие между глаголом и именем не всегда ясно в английском или китайском слове, взятом отдельно; но оно совершенно ясно, когда это слово стоит во фразе" (Вандриес 1937, 119). Как видим, в одном случае имеет место декларация приоритетности морфологического принципа описания, в другом случае - фактическое признание главенства синтаксического принципа восприятия и анализа единиц языка.

Вот уж действительно, то ли реальный мир лежит за пределами лингвистики (см. Ветров 1973, 12-13), то ли лингвистика лежит за пределами реального мира. Впрочем, по меткому замечанию М.И. Стеблина-Каменского, "с материалистической точки зрения не человек навязывает природе научную классификацию, а наоборот" (Стеблин-Каменский 1981, 21).

Но если "в действительности речь строится не из предшествующих ей слов, а наоборот, слова возникают из речи" (Гумбольдт 1960, 82), то с логической последовательностью можно признать, что синтаксический принцип классификации слов как частей речи по отношению к морфологическому будет являться доминирующим.

Однако с такой же легкостью можно найти сторонников и противоположной точки зрения. В частности, у Н.С. Пospelова находим: "Что же считать основным критерием при разграничении частей речи? Конечно, не синтаксическую функцию того или иного слова в предложении. Ведь слово начинает функционировать так или иначе в предложении после того, как оно уже оформлено как часть речи, включено в определенный лексико-грамматический разряд слов" (Пospelов 1990, 21).

Наблюдения над, казалось бы, одними и теми же языковыми явлениями позволяют разным лингвистам приходить порой к прямо противоположным выводам. Так В.М. Алпатов пишет: "Синтаксический подход к выделению частей речи может представлять трудности применительно к ряду языков. Бывают язы-

ки..., где самые различные слова способны употребляться в любой или почти любой синтаксической функции... Таким образом, выделение синтаксических и морфологических классов слов - два подхода, не отрицающие, а скорее дополняющие друг друга" (Алпатов 1986, 42).

В данном случае, на наш взгляд, имеет место незаметная подмена одних проблем другими. Проблема сущностного взаимодействия морфологических и синтаксических признаков слов в реальной языковой действительности и проблема лингвистического описания слов как частей речи - суть разные вещи. Но лингвисту нужно отталкиваться не от проблем описания языковых явлений, а от проблем их постижения. С этой точки зрения возможность употребления в каком-либо языке любого слова "в любой или почти любой синтаксической функции" должна сигнализировать лингвисту прежде всего не о трудностях описания, а о том, что синтаксический принцип классификации (принцип распознавания слов и их лексико-грамматических значений носителями языка именно в речи) является в этом случае определяющим.

Таким образом, можно сделать вывод, что семантический, морфологический и синтаксический принципы классификации частей речи, отражающие лексико-грамматические признаки тех или иных групп слов, находятся между собой в отнюдь не равноправном, а иерархическом соответствии.

При этом **семантический принцип** классификации в какой-то мере противопоставлен всем остальным и может восприниматься как принцип наибольшей лингвистической абстракции, т. е. традиции описания частей речи в современном русском языке таковы, что семантическая классификация, на наш взгляд, не предваряет формально-грамматическую (см. Мароевич 2001, 153), а завершает ее.

Относительно взаимосвязи морфологического и синтаксического принципов классификации отметим, что анализ традиций в системе описания частей речи в современном русском языке показывает: стремление некоторых лингвистов сделать морфологический принцип классификации приоритетным при описании таких лексико-грамматических разрядов слов, как местоимение, числительное, причастие, деепричастие, категория состояния, компаратив (см. Мароевич 2001, 151-152), и некоторых других не находит поддержки у большинства исследователей.

С нашей точки зрения, наличие у группы слов каких-либо общих морфологических показателей еще не дает им права (как, например, формам так называемого компаратива) быть признанными за определенную часть речи. И наоборот, отсутствие каких-либо морфологических признаков у определенной группы слов (даже если этих признаков нет вообще) не лишает эти слова права быть признанными за определенную часть речи, если они реализуются в речи как высказывание или его часть, т. е. реально существуют. Данное положение относится, в частности, к тем же междометиям, которые с этой точки зрения можно признать не просто за часть речи, а за знаменательную часть речи (см. Маслов 1998, 157).

Поэтому, на наш взгляд, очень важно как можно скорее перейти от декларирования тезиса о том, что "оправданным и плодотворным представляется выбор в качестве организующего центра грамматики синтаксиса, а не морфологии" (Сиротинина, Кормилицина 2000, 103), к решению тех проблем описательной грамматики, где традиционные лингвистические представления противостоят этому, на наш взгляд, абсолютно правильному утверждению.

В любом случае для нас совершенно ясно и бесспорно, что проблемы описания частей речи и проблемы соотношения морфологии и синтаксиса в настоящее время действительно требуют дальнейшей серьезной разработки (см. Золотова 2004, 309).

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов В.М. О разных подходах к выделению частей речи//Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 37-46.
Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
Ветров А.А. Методологические проблемы современной лингвистики. М., 1973.

- Гумбольдт В.О. различии строения человеческих языков и его влияние на духовное развитие человеческого рода // Звягинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: В 2 ч. М., 1960. Ч. 1.
- Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
- Золотова Г.А. Теоретические ресурсы грамматической науки // Русский язык: Исторические судьбы и современность. II Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2004. Краткая русская грамматика. М., 1989.
- Лукин М.Ф. К вопросу о частеречном объекте числительных // Филологические науки. 2000. № 4. С. 65-72.
- Лукин О.В. Части речи в античной науке // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 131-141.
- Мароевич Р.Н. Части речи в русском языке // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 151-153.
- Маслов Ю.С. Введение в языкознание. 3-е изд., испр. М., 1998.
- Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
- Панков Ф.И. Еще раз о грамматике и семантике модальных слов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2003. № 2. С. 59-74.
- Поспелов Н.С. Мысли о русской грамматике. Избранные труды. М., 1990.
- Русская грамматика: В 2 т. М., 1982. Т. 1.
- Сиротинина О.Б., Кормилицина М.А. Об актуальности коммуникативного подхода к грамматике // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 2000. № 6. С. 102-108.
- Современный русский язык: В 3 ч. Мн., 1998. Ч. 2: Словообразование. Морфонология. Морфология / Под ред. П.П. Шубы. 2-е изд., испр. и доп.
- Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 2 ч. М., 2002. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / Под ред. Е.И. Дибровой.
- Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании. Л., 1974.
- Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык: В 3 ч. М., 1981. Ч. 2: Словообразование. Морфонология.
- Шведова Н.Ю. Теоретические результаты, полученные в работе над "Русским семантическим словарем" // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 3-16.

Поступила в редакцию 07.09.05.

Виталий Казимирович Церлюкевич - кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

Т.С. НИКОЛИНА

ФРАНЦУЗСКАЯ ГУМАНИТАРИСТИКА О ТЕКСТЕ И ПРЕДПОСЫЛКАХ ЗНАЧЕНИЯ

Представлены современные подходы французских исследователей к понятию текста. Расширяя концепцию текста у А. Греймаса, автор рассматривает формирование значения в более широком психологическом и соматическом плане.

The article discusses modern approaches of French scholars to the notion of text. Developing the A. Greimas meaning theory we view a new conception of meaning origin in a wider somatic framework.

Человек познает мир, структурируя его пространственно-временной континуум и интерпретируя данные структуры посредством определенных констант. Материализуясь в текстах, эти константы находят свое выражение в тех или иных значениях, с которыми правомерно было бы связать динамику. Ибо, как писал Г. Башляр, «метафизика не заинтересована в том, чтобы мысль застыла в языковых окаменелостях» (Башляр 2004, 184).

Любой текст изначально двупланов: он и константен и динамичен одновременно. Такую амбивалентность текста резонно объяснить многомоментностью познания, включающего в себя целую цепь актов: ощущение, восприятие, наблюдение, образное представление, понимание, умозаключение, знание. И хотя рациональное и чувственное не существуют одно без другого, однако именно необъяснимое «первобытное» чувственное является той точкой отсчета, «точкой бифуркации», на которую должно быть направлено внимание того, кто хочет понять, где появляется значение. В подтверждение этого положения приведем слова двух авторов - композитора Игоря Стравинского и писателя Марселя Пруста. «Если руководствоваться лишь разумом, то он приведет нас прямо к лжи, ибо он не освещен инстинктом» (Стравинский 2004, 181). «...Те истины, которые разум выхватывает непосредственно из ярко освещенного окна в мир, не так глубоки, не так необходимы, как те, что жизнь порой даже против нашей воли передала нам через ощущение, безусловно ощущение материальное, по-